

Глава 530. Неземная Красота и Радужный Меч

Сев спиной к Цинь Му, Сан Хуа расстегнула рубашку, чтобы посмотреть на раны под своей белоснежной шеей. Немного погодя она вынула нефритовую бутылку и, выдавив сгустки старой крови из своих ран, применила лекарство.

— В ту ночь я столько всего тебе рассказала, что даже уже ничего не помню, — её уши слегка покраснели.

На самом деле той ночью она, почувствовав, что больше не может бежать, наговорила Цинь Му много разных глупостей... и некоторые из них могли заставить покраснеть даже мальчиков. Тем не менее, она говорила их смело, потому что “собеседник” в любом случае не смог бы их услышать.

Неожиданно для себя она пережила эту ночь, и когда подумала о том, что больше никогда не увидит Цинь Му, девичьи бредни, что она наговорила в ту ночь, стали отдельной эмоцией в её памяти. Она никогда даже помыслить не могла, что ей повстречается в темноте какого-то мальчик, с которым они поделится всем, что у неё было на уме.

Цинь Му поднял голову и посмотрел на солнце, его переполняло желание взлететь к небу и стереть солнца в порошок, но он сдержал порыв гнева, после чего обошёл девушку и протянул свою руку, чтобы помочь ей применить лекарство.

Сан Хуа быстро прикрылась:

— Мужчины и женщины не должны касаться...

— Я целитель, и только хочу помочь нанести лекарство. У меня нет никаких нечистых помыслов, я просто помогаю людям, ухаживая за пациентами так, как за ними бы ухаживали их родители.

Только когда Сан Хуа вспомнила, как он говорил, что был знаменитым лекарем, её сердце успокоилось. Она с любопытством смотрела на то, как он наносил на неё лекарство, замечая, что его техники рук действительно хорошо натренированы и подозрительно спросила:

— Твои достижения в области математики очень высоки, как ты постиг такого же высокого уровня в искусстве исцеления?

Цинь Му подробно рассматривал рану на её груди:

— Я изучал искусство исцеления более десяти лет, в то время как на изучение математики ушло только три года. Так что исцеление — мой главный конёк.

— Ты долго пялиться собираешься? — нахмутив брови, сердито сказала Сан Хуа и подняла руки, чтобы прикрыться.

Цинь Му поспешно остановил её и, осторожно опустив её одежду на плечо, сказал:

— Я ухаживаю за пациентами также, как их родители ухаживали бы за ними. Хм, твоя кожа очень белая, а плечи такие гладкие... Подожди! — он слегка прищурился. Рана Сан Хуа была оставлена дьявольским экспертом, поэтому в ней оказалось божественное искусство и дьявольская Ци, разъедающая её плоть и жизненную Ци.

Остановить кровотечение в ране подобного вида очень трудно, также, как и избавиться от дьявольской Ци. В итоге мазь, которая была нанесена на рану, уже почернела, делая очевидным тот факт, что целебная энергия была испорчена дьявольской Ци.

Цинь Му взял почерневшую мазь и, понюхав её, покачал головой.

Эта мазь была не самым эффективным средством.

— Ай! Эта мазь предназначена для удаления яда. После нанесения она собирает немного дьявольской Ци и изменяет цвет, — Сан Хуа вскрикнула от боли и достала несколько бутылочек мази. — Для такого рода ран мне придётся применять её более десятка раз, чтобы полностью избавиться от яда... Так, и хватит на меня глазеть, дай мне уже закончить с обработкой раны!

Цинь Му достал из мешка таотэ лекарственные ингредиенты и использовал свой метод приготовления пилюль, чтобы приготовить лекарство:

— Не всё так просто, как кажется, на первый взгляд. Дьявольский яд не простой яд. Проблема в атрибутах жизненной Ци твоей техники пути бога, которую ты совершенствовала, сталкиваясь с техникой пути дьявола. Используемая тобой мазь — не мазь для вытягивания яда, а вариативность духовных пилюль, которые не были приготовлены до их лучшего состояния, поэтому они находятся в форме мази. Эта мазь портится от дьявольской Ци, поэтому использовать её, чтобы устранить дьявольскую Ци — пустая трата времени, — пока он говорил на его ладони появилась печь для пилюль, образованная жизненной Ци, и он начал готовить пилюли внутри неё. Он поменял местами огонь и воду, смешал их и использовал многие другие методы готовки пилюль, от которых очень удивилась Сан Хуа.

Через мгновение Цинь Му рассеял свою жизненную Ци, после чего на его ладони упали более десятка пилюль.

Затем он раздавил одну из них и намазал её на рану девушки:

— В моем мире я являюсь Владыкой Небесного Святого Культа, но люди называют меня Владыкой Небесного Дьявольского Культа. У меня есть понимания относительно дьявольского пути. Дьявол рождается в сердце, будь то бог или дьявол, неважно, всё исходит от сердца. Частенько сталкиваясь с божественными искусствами дьявольского пути, я стал очень опытным в лечении ран, полученных от них.

Вскоре Сан Хуа почувствовала, что её рана начинает остывать, и дьявольская Ци была полностью извлечена. Её рана начала чесаться, это означало, что всё прошло хорошо и рана начала заживать.

— Моя рана заживает так быстро? Судя по твоим навыкам исцеления, ты должен быть самым лучшим целителем в своём мире! — Сан Хуа смотрела с широко открытыми глазами, украдкой прикрывая косичками свою грудь. Через мгновение она с любопытством спросила. — Маленький известный целитель может приготовить духовное лекарство, которое так быстро противостоит дьявольской Ци?

Цинь Му передал ей остальные духовные пилюли и улыбнулся:

— Ты права, я очень известен в своём мире и являюсь одним из лучших целителей. Ты запомнила, что я говорил о том, насколько я хороший целитель? — он был доволен собой. — Большинство людей обычно пропускают это мимо ушей!

Сан Хуа была сбита с толку:

— Ты не поможешь мне нанести лекарство?

Цинь Му шёл навстречу другим людям, чтобы помочь залечить их раны:

— Я лишь осматривал рану, лекарство ты можешь применить самостоятельно. Нужно помочь и другим людям.

Сан Хуа натянула рубашку, посмотрев на носящегося туда-сюда и помогающего людям юношу него. Откинув волосы назад, она подумала про себя: «Он и правда обращается со своими пациентами подобно родителю, ухаживающим за своим ребёнком, и не имеет нечистых мыслей. Этот человек — редкий джентльмен, просто ему нравится оглядываться по сторонам...»

Цинь Му вылечил раненых практиков божественных искусств на жертвенном алтаре, а затем посмотрел на бесчисленных людей и солдат Небесной Дьявольской Орды, лежащих на поле битвы.

Группы людей переносили раненых товарищей и добивали ещё живых дьяволов.

Всё поле боя устилало пламя, оставленное от применённых божественных искусств. Люди поджигали колесницы, бездыханные тела, флаги и духовные оружия, торчащие из земли.

Вдали, убийства ещё продолжались.

Мир, в который вошёл Цинь Му, был странно жестоким. Даже несмотря на то, что он видел не мало сражений, зрелище перед его глазами смогло шокировать его сердце.

— Искусством исцеления не спасти этот мир? — Цинь Му покачал головой, понимая, что он успел помочь всего лишь нескольким людям, а чтобы помочь всем раненым на поле боя ему потребуются месяцы. Каждые три дня происходило одно маленькое сражение, а каждые пять — большое.

Он физически не мог помочь каждому.

Цинь Му поднял голову, чтобы посмотреть на небо. Непостоянные солнца на небе потускнели и стали красными.

Два солнца оставались на месте, они были полностью неподвижны. Вероятно, в них заложено свойство, из-за которого они в определённое время начинают тускнеть.

«У бога, который создал эти два солнца, были хорошие идеи, но его достижения в математике оставляют желать лучшего... — Цинь Му отвернулся, чувствуя, что солнца обжигали его глаза.— Как же безобразно! Если я продолжу смотреть на них, я не смогу устоять перед тем, чтобы исправить их...»

Он медленно двигался вокруг жертвенного алтаря, используя свою жизненную Ци, чтобы выполнить технику Трёх Эликсиров Тела Тирана. Его Духовный Эмбрион и душа слились в исконный дух, соединив его дух и тело воедино.

Его исконный дух ступил на Духовную Платформу и объединил Шесть Направлений. С солнцем и луной над головой, его жизненная Ци двигалась, протекая через все части тела, в то время

как его волосы мягко развевались по ветру.

В битве он увидел, что делает практиков божественных искусств этого мира такими могущественными. Опыт жизни и смерти на поле битвы подсознательно изменил его менталитет в лучшую сторону.

После битвы с Первым Предком Императоров Людей он впал в депрессию. Во время боя он даже не завершал свои движения, из-за чего был жестоко отруган мясником. И нет, дело было не в том, что он не осмеливался сделать движение, он просто чувствовал, что независимо от того, какое движение или какое божественное искусство он исполнит, они все будут неподходящими.

Причина, по которой они вдруг стали в его глазах неподходящими, заключалась не в том, что его уверенность канула на дно после встречи с Первым Предком Императоров Людей, а в том, что столкновение с таким сильным врагом расширило его горизонты до невероятных высот, открыв ему глаза.

Стоя там и глядя свысока на все приёмы и божественные искусства, которые он изучал раньше, он повсюду видел недостатки!

Его познания были высоки, а горизонты широки, но ему не доставало в основах, чтобы измениться и войти в следующую область, поэтому он и не мог выполнять никаких движений или божественных искусств. Он чувствовал, что их будет недостаточно и его будет ждать смерть уже в следующее мгновение.

Он относился к своим противникам как к Первому Предку Императоров Людей, поэтому у него было такое чувство.

И всё же, на поле битвы у Цинь Му не было времени подумать обо всём этом. Ситуация там менялась каждое мгновение, поэтому ему было всё равно, имеются какие-либо недостатки в его движениях или нет. У него был выбор, исполнить свои движения и убить всех могущественных врагов или умереть.

После битвы он почувствовал, что вступил на порог огромной трансформации, а когда он пересекал эти ворота, ему удалось увидеть кусочек голубого неба... и огромную дорогу впереди!

Его тело начало сиять великолепным солнечным светом, в то время какдвигающаяся внутри него жизненная Ци соединила Духовный Эмбрион, Пять Элементов и Шесть Направлений. Солнце, луна и звёзды излучали свет, который освещал божественные сокровища, превращая его в нечто, похожее на человека света.

Даже Божественное Сокровище Небожителя в его теле сияло до тех пор, пока в нём не появились врата.

Между тем, ниже Божественного Сокровища Шести Направлений, были едва различимы глубокие и тёмные врата.

Это были врата области Жизни и Смерти, которые соединялась с Юду.

Цинь Му шёл, не меняя скорости.

В Маленькой Нефритовой Столице он довольно долго наблюдал за божественными сокровища

бога Маленькой Нефритовой Столицы — Цинь Чунмина.

С тех пор он начал улучшать свои божественные сокровища и исправлять то, что ему не хватало.

Роооар!..

Жизненная Ци в его теле трепетала, ритмично содрогаясь, и издавала волны драконьего рёва. Ци дракона обвивалась вокруг его тела, входя и выходя из него, чтобы закалить тело.

Внезапно Цинь Му, с руками, как ножи, ринулся в атаку, идя вокруг алтаря.

Ветер становился всё громче, а ножи падали, как дождь: Ночная Битва по ту Сторону Бурного Города.

Солнце взошло за горизонтом моря: Солнце на Тысячеуровневых Волнах Восточного Моря.

Золотой нож, обрамлённый белым нефритом, через окно пронзает блеском ночь: Человек Пятидесяти Лет, Ничего не Добившийся в Жизни, Пересёк Восемь Пустынь, Держа в Руке Лишь Нож.

После поражений приходит надежда, и весь путь превращается всего лишь в дым!

На обширном и кровавом поле битвы навыки ножа мясника внезапно стали очень подвижными и живыми, отражая бедствие мира.

Навыки ножа Цинь Му становились всё ловчее и быстрее.

Внезапно огни ножа исчезли.

Ветер, дождь, солнце, море — тоже исчезли.

Цинь Му сложил свои пальцы вместе, образуя жизненной Ци нить меча. Затем он мягко щёлкнул пальцами и развеял нить. Его навыки меча выглядели несравненно изысканно, как вдруг они резко ускорились. В мгновение ока его длинный меч пронёсся по воздуху, танцуя в небе над жертвенным алтарём серебряным Драконом Наводнения.

Цинь Му обошёл жертвенный алтарь, а огонь меча пронёсся по воздуху, становясь всё быстрее и острее.

Бедствие Верховных Небес Императора позволило ему обрести что-то необъяснимое... и это подсознательно заставило его высвободить все свои эмоции. Он учился через свои навыки меча, через свою жизненную Ци!

Третья форма Рисунков Меча, Бедствия Высшего Императора.

Когда бедствие достигло своей самой жестокой точки, Цинь Му внезапно рассеял огонь меча, и пальцем ткнул в своё межбровье. Он прикоснулся не только к себе, но и к межбровью Духовного Эмбриона.

Весь его дух и Ци меча были собраны в его пальце.

Он понял, что означает бедствие.

Бедствие было катастрофой, в которой люди боролись за свою жизнь.

Это было обретение надежды в аду.

Мясник как герой, использовал свои ножи, и вырезал ими надежду для людей, старейшина деревни, будучи Императором Людей, преодолевал разные тяготы и трудился для всех на протяжении всей своей жизни.

Эта была жизнь, где мёртвых хоронили каждый день.

Два пальца Цинь Му ударили вперёд, и похожий на радугу меч растянулся на десять километров. Часть солнца в небе уже потускнела, делая огонь меча хорошо различимым, между тем он в оцепенении стоял на жертвенном алтаре.

Это движение не имело ничего общего с Рисунками Меча старейшины, и Цинь Му почувствовал, что открыл свой собственный путь.

<http://tl.rulate.ru/book/12626/445816>